

**Исторический выбор народа Украины
в контексте этнополитологии (от начала до конца XX века)
The historical choice of the Ukrainian people
in the context of ethnopolitology (from the beginning to the end of the century XX)**

Украинизация как составная часть новой национальной политики Советской власти, утвержденной на XII съезде РКПб в 1923 году – политики так называемой коренизации – была ответом нового политического руководства на вызов национализма. Он был настолько глубоким, что даже коммунистические партии образовывавшихся союзных республик не были от него свободны, и там раздавались требования особых условий при вхождении в состав союзного государства [1, С. 248-265; 4, С. 91-114]. Возвращение в тех условиях к унитаризму в государственном строительстве было нереальным, как нереальным оно является и сейчас. Тем более что последовательный унитаризм Российской империи (за исключением автономных Финляндии и центрально-азиатских ханств) не спас ее от распада, а, скорее, способствовал ему.

НЭП – это именно политика, и не только экономическая. В рамках НЭПа было предпринято временное отступление на заранее подготовленные позиции не только перед «капиталистическими элементами города и деревни», но и перед национализмом, что выразилось в создании нового типа федерации – советской социалистической (позже утвердился термин «социалистический федерализм»). Происходило развернутое сначала во всероссийском, а потом и во всесоюзном масштабе национально-государственное строительство: образование новых союзных и автономных республик, автономных округов и областей.

Когда был свернут НЭП и страна приступила к форсированному социалистическому строительству, произошли глубокие изменения и в национальной политике. Коренизация за несколько лет к середине 1930-х гг. была вытеснена унификацией с доминированием русского как общегосударственного языка и основанной на русской общесоюзной культуре, политическим стержнем которой была русификация советского типа. Национальная политика оставалась формально-национальной при все более выраженном унифицированно-русифицированном социалистическом содержании. Формально сохранявшийся федерализм государственного устройства в 1930-е годы фактически уступил место унитаризму идеократической однопартийной системы.

Что касается новых границ Украины, проведенных и утвержденных в 1920-е годы, то обширные территории Юга и Востока, в т. ч. и Донбасс, оказались в составе УССР не только в результате слияния бывших советских украинских государств периода гражданской войны (Донецко-Криворожской республики, Одесской и Харьковской советских республик и др.) с другими украинскими этническими территориями для «усиления» последних, увеличения в них доли пролетариата и городского населения, хотя данные мотивы сыграли свою роль. Но далеко не главную. Советская Россия не настолько охотно стремилась передать как можно больше земель братской советской Украине, как это нередко теперь интерпретируется.

При решении вопроса о границах между РСФСР и УССР по соглашению сторон (а по Конституциям СССР вопрос о границах между ними должен был решаться на основе достигнутых взаимных договоренностей) за основу был взят этнический состав

соответствующих территорий. Наиболее полные данные о последнем содержались во всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Несмотря на то, что там белорусы, малороссы и украинцы учитывались как один русский народ, перепись учитывала местные различия, в том числе языковые. И те регионы, где большинство населения указывало в качестве родного «малороссийское наречие», в новых исторических условиях было принято считать украинскими. В том числе и большую часть Донбасса. Где украинцы (как носители малороссийского наречия – «украинской мовы») были меньшинством, как, например, в Крыму и восточной части Донбасса (Ростовская область), была установлена принадлежность к РСФСР [2].

Конечно, организаторы первой Всероссийской переписи населения 1897 года никак не могли предположить, что один из результатов их грандиозной и столь нужной работы станет основанием размежевания территории по этническому признаку, пусть еще в составе одного государства. Возможно, двадцать лет спустя, ввиду бурного роста промышленности и численности городского населения в Донбассе и результаты переписи в части соотношения русских (указавших в качестве родного языка русский) и украинцев (указавших в качестве такового «мову») изменилось в пользу русских, но таких данных не было. До 1914 г. перепись населения более не проводилась, а потом стало не до этого.

Не вызывает сомнения и то, что более демократичным было бы проведение на смежных, порубежных русско-украинских территориях Северщины, Слобожанщины, Донбасса, Новороссии плебисцита о принадлежности этих земель РСФСР или УССР. Однако партийное руководство рассматривало этнонацию как объективную данность, с примордиалистских позиций, и считало нужным при создании государства нового типа исходить из уже имеющейся этнотерриториальной основы, где этничность была бы «впаяна» в политическую систему. Да и само право на референдум и плебисцит как его вариант считалось проявлением буржуазного лицемерия, при котором правящий класс всегда добьется нужных ему результатов, а отнюдь не торжеством народовластия. Поэтому подобный опыт, накопленный при образовании новых независимых государств с распадом Австро-Венгрии, намеренно игнорировался.

Так происходило возвращение к имперской модели в советском варианте: государственный патернализм при жестком подавлении несогласия. В дальнейшем «жесткую» конструкцию частично демонтировали, заменив ее демагогией на общегосударственном уровне о крепнущей дружбе народов, о единой семье народов СССР вплоть до создания «новой межнациональной общности – советского народа» («межнациональный» следовало бы здесь трактовать как «надэтнический»).

Действительно, достижения в этой сфере были впечатляющими. Но и проблемы со временем накапливались, и многие из них не решались, игнорировались. Так, еще с 1970-х годов начинается уменьшение численности нетитульного населения в ряде союзных и автономных республик – не только в относительном, но и в абсолютном выражении. А теория остановилась на уровне Сталина, как и его определение нации оставалось основным. Последнее, что было сделано на уровне общественной практики – это устранение последствий репрессивных действий в ходе десталинизации: возвращение в состав РСФСР и СССР ряда ликвидированных автономных республик и областей и реабилитация их титульных этнонаций в 1950-е годы. Затем в этнополитике СССР наступил застой, значительно раньше, чем в других сферах.

Вопрос о том, можно ли благодаря процессу успешного нациестроительства на государственном уровне путем федеративного устройства, введения элементов

конфедерации, создания государства автономий или иным путем противостоять вызову национализма, остается открытым. Ни сторонники, ни противники подобных руководимых и направляемых государством этнополитических процессов не представили исчерпывающих доводов в пользу своей позиции.

Крушение трех социалистических федераций СССР, ЧССР и Югославии, казалось, исчерпывающе продемонстрировало несостоятельность «снятия» путем направляемого сверху нациестроительства потенциала этнонационализма. Однако не является ли это, прежде всего, составной частью крушения советского проекта как такового, «большого провала» (З. Бжезинский), в том числе и его этнополитической составляющей?

Построенные по этнотерриториальному признаку федерации в Бельгии и Канаде губительны или же, напротив, спасительны для сохранения их государственного единства? По пути ассиметричных государств автономий (пока еще унитарных) продвигаются Великобритания и Испания. Самая большая федерация мира, республика Индия, является ассиметричной федерацией и признает самобытность своих субъектов, в том числе и через территориальное закрепление этнических различий. При этом неизменно соблюдается безусловный приоритет власти федерального центра в пределах его полномочий вплоть до реально используемого права федеральной интервенции в дела штата или союзной территории при нарушении ими Конституции и федерального законодательства.

Да и в нашей стране именно та сторона формы государственного устройства, что связана с национально-государственным устройством, оказалась самой устойчивой к произошедшей деструкции системы в целом. Массового предъявления территориальных претензий (за исключением Осетино-Ингушского конфликта), чем пугала еще в 1989-91 гг. Межрегиональная депутатская группа Съезда народных депутатов СССР, не последовало. Никакого распада здесь не произошло (опять же за исключением разделения Ингушетии и Чечни в 1992 году). В современной Российской Федерации сохранилась и асимметрия в правовом статусе различных субъектов федерации – республик и краев с областями, и параллельное сосуществование административно-территориальных и национально-территориальных государственных образований (государств).

То есть национально-государственное строительство, приводящее к образованию автономий или субъектов федерации на этнотерриториальной основе, само по себе абсолютным злом не является и в различных исторических условиях приводит к различным, и порой успешным, результатам.

А когда в СССР в ходе разгара «перестройки» была уничтожена соответствующая политическая «надстройка», т.е. произошла реформа политической системы общества 1988-90 гг. и КПСС, бывшая гарантом единства партийного идеократического государства, невзирая на территориальные и этнические отличия, лишилась реальной власти, Советы вне партийного руководства не справились с управлением. И это закономерно. «Советы без коммунистов», точнее, без «руководящей и направляющей роли» КПСС, были чем-то средним между предпарламентом и дискуссионной трибуной. Они не имели единой позитивной программы, отличались отсутствием консенсуса даже по основным вопросам государственного строительства и были лишены того минимума авторитарности власти, который необходим для недопущения экспансии этнократических тенденций в обществе переходного периода, да еще таком огромном и сложном, как бывшее союзное государство.

Сам подъем национализма до начала процесса фактической ликвидации союзного государства (поворотным моментом здесь является принятие Декларации о суверенитете РСФСР 12 июня 1990 года, последовавшие затем «война законов» российского и союзного

руководства и т.н. «парад суверенитетов» союзных и автономных республик) был заметным явлением только в республиках Прибалтики, в Западной Украине, Закавказье и в Молдове. До тех пор, пока союзное государство еще было управляемым и сохраняло легитимность в сознании своих граждан, националистические настроения были широко распространены на относительно небольшой территории, где проживало около 1/10 населения страны.

22 января 1919 г. в Киеве был подписан акт «злуки» (соединения) Украинской Народной Республики и Западно-Украинской Народной Республики в единое государство. В 1991 г. в годовщину этого события и в знак солидарности с недавно протянувшейся в странах Балтии цепью людей от Вильнюса к Риге и далее до Таллина, главным лозунгом которых был: «Руки прочь от (соответственно) Литвы, Латвии и Эстонии», Народный фронт Украины – РУХ решил соединить Львов и Киев живой человеческой цепью. Если в Галиции люди действительно стояли на расстоянии вытянутой руки, то ближе к Киеву расстояния между людьми измерялось километрами. Во многих случаях это стояли те же галичане, привезенные сюда на автобусах. Очевидно, что у подавляющего большинства белорусов и украинцев преобладало стремление к сохранению единого с Россией государства в соответствии с императивной общностью исторических судеб.

Референдум 17 марта 1991 года о сохранении союзного государства и его впечатляющие результаты – 3/4 проголосовавших за Союз - разрушает не только доводы об объективной неизбежности распада СССР, но и стройность рассмотренной нами выше концепции национализма Мирослава Хроха с заявленной объективной необходимостью перехода в современном обществе от фазы А к фазе В и далее к фазе С, когда главным требованием становится предоставление политической независимости и создание суверенного государства. Очевидно, что, кроме нескольких среднеазиатских республик, титульные этнонации других союзных республик находились в фазе С уже достаточно давно.

Что же происходит с сознанием людей за несколько месяцев 1991 года, если 1 декабря 1991 года в ходе всеукраинского референдума даже 54 % участвовавших в голосовании крымчан и 57 % севастопольцев поддержали провозглашение независимости Украины? [3]. И пусть по Украине это самый низкий процент, но налицо абсолютное большинство голосов, а в настоящее время итоги данного голосования – один из доводов по-прежнему считать Крым частью Украины [5, с. 28-30]. Это несколько запоздавшее, но неизбежное торжество конструктивистского проекта создания современной украинской нации на основе мобилизации и актуализации прежнего опыта «самостийности и незалежності»? Или реакция на ставший более чем очевидным сокрушительный крах советского проекта как основы союзного государства? Ответ на этот и другие вопросы, связанные с возрождением украинского национализма конца XX века, мы попытаемся представить в следующей статье.

Литература:

1. Боффа Дж. История Советского Союза. История Советского Союза: В 2 т. – М.: 1990. Т. 1: От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин, 1917-1941. – 628 с.
2. Всероссийская перепись населения 1897 года // [Электронный ресурс] URL. http://www.litera-ru.ru/html/mathaterials/2003_0608_per1897.html. (дата обращения 20.02.2016).
3. Соломатин Ю. П. «Чи бачили очі що купували?»: всеукраїнський референдум 1 грудня 1991 року // [Электронный ресурс]. URL. <http://rusrand.ru/events/chi-bachili-ochi-schokupivali-vseukrainskij-referendum-1-dekabrja-1991-goda> (дата обращения 20.02.2016).
4. Карр Э. История Советской России. Кн . 1. – М., 1990. – 682 с.

5. Кошкин А.П., Липатова Е.В. возможные сценарии развития событий в Украине // Власть. – 2014. –№ 4. – С. 28-30.